

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Уле Бьерг

Как делаются деньги?

Философия посткредитного капитализма

Бьерг У. 2018. *Как делаются деньги? Философия посткредитного капитализма*. М.: Ад Маргинем Пресс. 312 с.

БЬЕРГ, Уле — доктор социологических наук, доцент кафедры менеджмента, политики и философии Копенгагенской бизнес-школы. Адрес: Дания, DK-2000, г. Фредериксберг, Сольберг Пладс, д. 3.

Email: ob.mpp@cbs.dk

Перевод с англ. Константина Стоборода

Публикуется с разрешения издательства «Ад Маргинем Пресс»

Источник: Bjerg U. (2014) *Making Money. The Philosophy of Crisis Capitalism*. London; Brooklyn, NY: Verso.

Уле Бьерг предлагает философский анализ феномена денег в современном капитализме. Вопросы, связанные с денежными отношениями, осмысляются через идеи Славоя Жижека, Жака Лакана и Мартина Хайдеггера. Автор рассматривает существующие теории денег, разбирает актуальные экономические теории и моделирует процесс создания банками денег, чтобы показать основные принципы функционирования финансовой системы в современном обществе. Он настаивает: вопрос о сущности денег и их создании — политический. Книга будет интересна не только специалистам в области экономики, но и широкому кругу читателей.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Вступление: Seinsvergessenheit и деньги» и первую главу «Анализируя финансовые рынки» из представляемой книги. Во введении автор обращается к идеям Хайдеггера с целью проблематизировать вопрос денег для философского изучения, тем самым раскрывая замысел книги, описывает структуру книги, которая выстроена вокруг значения фразы «как делаются деньги». В главе 1 Бьерг через базовые координаты философии С. Жижека обозначает аналитическое видение финансовых рынков и дополнительно рассказывает о двух школах спекуляции на финансовых рынках — техническом и фундаментальном анализе, попутно выделяя их философские свойства.

Ключевые слова: философия денег; современный капитализм; финансовая система; Славой Жижек; Жак Лакан; Мартин Хайдеггер.

Вступление: Seinsvergessenheit и деньги

Эта книга о том, как делаются деньги. Выражение «делать деньги» имеет два значения. Первое, и самое очевидное, относится к обороту и распределению денег в мире. Когда кто-то начинает рабочий день с заявления: «Время делать деньги!», — на самом деле имеется в виду: «Давайте присвоим некое количество денег, уже обращающихся в экономике». Но если воспринимать выражение буквально, то речь идёт о процедуре, в результате которой деньги возникают и вводятся в экономику.

В первом случае процесс делания денег — это то, о чём многие часто думают. «Где бы взять денег?» Подобный вопрос время от времени приходится задавать себе почти всем. Для одних — это вопрос выживания. Им нужно

достать деньги, чтобы купить еды и заплатить по счетам. Для других — это экзистенциальный вопрос, определяющий человека и его место в устройстве общества. Для большинства же из нас — это отчасти вопрос выживания, а отчасти — определение идентичности.

Во втором и более буквальном смысле делание денег — это то, о чём мало кто задумывается. Откуда деньги берутся? Как они появляются в мире? Кто создаёт деньги, используемые нами в экономических отношениях? Такого рода вопросам, кажется, уделяется довольно мало внимания, учитывая то, насколько важны для нас деньги при современном капитализме. Согласно Хайдеггеру, сложнее всего мыслить и понимать те вещи, которые нам близки, которые мы принимаем за данность. Обыденность предмета мешает рефлексии и выработке спекулятивных суждений, необходимых для более глубокого понимания этого предмета. Вот, например, язык. Язык — настолько естественная часть нашего существования, что даже дети знают, как им пользоваться. Тем не менее едва ли кто-то может утверждать, что полностью понимает, что такое язык на самом деле. Такой же парадокс с деньгами. Мы применяем их каждый день. Деньги — один из ключевых компонентов многих наших взаимодействий с другими людьми и восприятия вещей вокруг нас. При этом сущность денег по большей части берётся как данность. Этот факт ощущается, не только когда отдельные люди в повседневной жизни имеют дело с деньгами, но и в нашем коллективном политическом воображении. Критическое экономическое положение, складывавшееся в 2007–2008 гг., по мере того как всё больше американских домовладельцев становились банкротами (банки и финансовые институты истощали свои ресурсы, что в итоге привело к разорению банков *Bear Stearns* и *Lehman Brothers*), тут же окрестили «финансовым кризисом». Такое название можно, конечно, воспринимать как отражение того факта, что тревожные события действительно разворачивались на финансовых рынках и в крупнейших финансовых институтах, однако само название «финансовый кризис» предполагает определённый взгляд на события и возможные пути решения. Во-первых, понятие «финансовый» намекает, что критическое положение сложилось из-за того, как в экономике были оценены действия и активы, и из-за того, как распределялся капитал для их финансирования. Во-вторых, понятие «кризис» предполагает, что такое положение являлось исключительным случаем отклонения от нормы. Кризисы можно преодолеть и вернуться к нормальному положению вещей. Когда мы воспринимаем ситуацию как финансовый кризис, это предлагает нам искать объяснение возникших проблем в том, как отдельные лица и институты *делали деньги* на финансовых рынках. Банкиры жадны и аморальны, финансовые модели не соответствуют экономической действительности, те, кто должен следить за порядком, наивны или коррумпированы либо и то и другое вместе, и комбинация этих трёх факторов приводит к эксплуатации обычных людей, которые, в свою очередь, не могут умерить своё избыточное потребление, ставшее возможным благодаря дешёвому кредиту. Прибегая к такому объяснению, мы размышляем в категориях первого значения выражения «делать деньги». Хотя такие толкования отчасти верны, они отвлекают нас от второго смысла этого выражения, относящегося к более фундаментальному вопросу о происхождении денег в современном капитализме.

Хайдеггер даёт нам концепции, с помощью которых можно провести философское разграничение между двумя смыслами выражения «делать деньги». В центре его философствования мы видим онтологическое различие между сущим (*Seiende*) и бытием (*Sein*). Когда что-то исследуется как сущее, к нему подходят как к отдельной сущности среди прочих сущностей. В таком случае задача состоит в определении свойств, отделяющих сущее от других сущих, и изучении их взаимодействия. Исследования определённых сущих выстроены вокруг вопросов типа «Что есть X?» Такие вопросы могут быть следующими: «Что есть человек?» (Он рационален? Он — животное? Он морален? И т. д.); «Что есть мир?» (Он реален? Он — идея? Он познаваем? И т. д.).

В отличие от подобных вопросов, исследования бытия имеют дело с последствиями того факта, что что-то *есть*; их интересует значение глагола «быть». Исследования такого типа не формулируют вопрос

как «Что есть *X*?», а вместо этого спрашивают: «Как есть *X*?» В «Бытии и времени» *X* из вопроса — это человек (*das Man*), но, чтобы не обращаться с человеком просто как с сущим, Хайдеггер использует понятие *Dasein*, обозначающее «быть» человека. (*Dasein* стоит просто понимать как «здесь-бытие», но этот термин обычно не переводят с немецкого [Хайдеггер 1997].) Поэтому, когда Хайдеггер исследует бытие *Dasein*, важно отметить, что внимание сконцентрировано на бытии, а не на *Dasein*. Исследование фокусируется на том, что значит «быть». То, что интересует Хайдеггера, — это устройство бытия *Dasein*. Когда мы задаём вопросы типа «Как бы мне заработать денег?», «Как эта компания может заработать денег?» или даже «Как эта страна может заработать денег?», мы думаем о деньгах просто как о сущем. Наша задача — вмешаться в оборот денежных объектов, чтобы перераспределить деньги в нашу пользу. Однако, как только мы уходим от первого очевидного понимания фразы «делать деньги» и начинаем задаваться вопросом, как вообще деньги создаются, мы начинаем исследовать само бытие денег. В «Положении об основании» Хайдеггер даёт нам метод изменения направления нашего вопрошания, что делает такое исследование возможным. Хайдеггер отталкивается от Принципа достаточного основания Лейбница: «Ничего не бывает без основания», *nihil est sine ratione*. Но вместо того, чтобы читать предложение как «ничего не бывает без основания», что просто означало бы, что у всего в мире есть основание, Хайдеггер смещает акцент и получается «ничто *есть* то, у чего *нет основания*». Таким образом, предложение становится утверждением о том, что ничто «есть», утверждением о самом бытии Ничто. Такое смещение акцента превращает предложение в ответ на онтологический вопрос: «Как есть Ничто?». Хайдеггер сам объясняет свой метод так: «За изменением тональности скрывается радикальное изменение направления мышления»¹. Дальнейшие метафизические значения хайдеггеровского анализа Ничто находятся за пределами нашего текущего исследования. Однако смещение акцента весьма подходит нам для анализа денег. Вместо того чтобы попадаться в интеллектуальные ловушки вопроса «Что есть деньги?» или даже неявно принимать существующие ответы на этот вопрос, нас интересует вопрос: «Как получилось, что деньги существуют?» — или просто: «Как *есть* деньги?»

В своей радикальной критике западной метафизики Хайдеггер вводит в оборот прекрасное слово *Seinsvergessenheit*, которое можно перевести как «забвение бытия». Он утверждает, что ещё до Платона и Аристотеля философия занималась только исследованием мира сущностей, тем самым систематически пренебрегая фундаментальным вопросом бытия. Оставив в стороне обоснованность хайдеггеровского утверждения относительно более чем 2000-летней истории философии, мы можем применить его мышление к статусу вопроса денег в современном капитализме: «Есть ли у нас сегодня ответ на вопрос о том, что мы, собственно, имеем в виду под словом «деньги»? никоим образом. И значит, *вопрос о смысле бытия денег* надо поставить заново. Находимся ли мы хотя бы в замешательстве от того, что не понимаем выражение «деньги»? никоим образом. И значит, тогда нужно сначала опять пробудить внимание к смыслу этого вопроса» [Хайдеггер 1997: 1].

Это перефразированная преамбула Хайдеггера к «Бытию и времени». В этом фрагменте я позволил себе заменить «сущее» и «бытие» на «деньги» и «вопрос о смысле бытия» на «вопрос о смысле бытия денег». С этими изменениями отрывок обращает внимание на два соображения о *Seinsvergessenheit* денег сегодня. У нас не только отсутствует адекватное понимание феномена денег. Нас это даже и не удивляет. По большей части мы вполне довольны использованием денег, не понимая и даже не спрашивая, как они работают, или же принимая на веру популярные, простые объяснения происхождения денег и их природы. Учитывая объём сегодняшних экономических исследований и уровень образования в этой области, а также привилегированный статус экономики в политике и популярном дискурсе, было бы неправильно утверждать, что мы не располагаем достаточными знаниями о деньгах. Вопрос, скорее, в том, насколько адекватны те знания, что мы имеем. Согласно Хайдеггеру, *Seinsvergessenheit* не является ошибкой, возникающей в какой-то момент размышления об определённом предмете. Если

¹ Перев. К. Стоборода; см. также: [Хайдеггер 1999]. — *Примеч. ред. рус. издания.*

мы небрежно подходим к постановке вопросов, *Seinsvergessenheit* возникает сразу же, в тот самый момент, когда мы начинаем мыслить о предмете и исследовать его. Мой аргумент в том, что большая часть размышлений об экономических вопросах как в самом мейнстриме экономической науки, так и в популярном политическом дискурсе страдает от *Seinsvergessenheit*.

Чтобы увидеть, как разница между сущностями и бытием применима к деньгам и как *Seinsvergessenheit* находит отражение в предмете экономики, мы можем взглянуть на первые страницы учебника по введению в курс экономики. Вступление начинается так: «Только что в вечернем выпуске новостей вы услышали о том, что Федеральная резервная система (Центральный банк США) повышает процентную ставку по краткосрочным кредитам на 0,5 процентного пункта. Как это повлияет на размер процентов по выплачиваемой вами ссуде на покупку автомобиля? Возрастут ли цены на недвижимость? Увеличатся или уменьшатся ваши шансы найти работу в следующем году? Эта книга поможет найти ответы на эти и другие вопросы, так как она посвящена изучению роли и функций финансовых рынков (рынков акций, облигаций и иностранной валюты), финансовых учреждений (банков, страховых компаний, взаимных фондов и других институтов), а также денег в экономике» [Мишкин 2006: 37].

Хотя цитата выбрана более-менее случайно, она иллюстрирует то, как экономисты мейнстрима думают о деньгах. Стоит отметить, что, помимо выдающегося научного послужного списка, автор книги, Фредерик Мишкин, занимал важные посты в Федеральном резервном банке США, в том числе был членом Совета управляющих в 2006–2008 гг. Вопросы, упоминаемые в приведённом выше отрывке, касаются соотношения между различными монетарными показателями: между ставкой по федеральным фондам ставкой потребительского кредитования, между процентной ставкой и ценами на недвижимость и между процентной ставкой и уровнем занятости. В терминах Хайдеггера, это все *онтические*, а не *онтологические* вопросы. Они относятся к тому, как деньги функционируют как определённое сущее по отношению к другим сущим, не затрагивая «быть» денег.

Экономическая наука весьма преуспела в создании усложнённых формул и моделей, описывающих взаимосвязь экономических показателей в обществе. Мало каким научным дисциплинам удалось так сильно повлиять на то, как мы думаем и говорим об обществе, на то, как мы его организуем. При таком успехе действительно сложно подвергать сомнению экономический подход к деньгам. Если и признать, что экономика как дисциплина пренебрегла вопросом о бытии денег, разве не замечательно она обошлась без него? Можно даже предположить, что относительный успех экономики объясняется тем, что она избежала такого рода софистики. Экономика решает вопросы. В отличие, скажем, от философии, которая, похоже, застряла на тех же вопросах, что и 2000 лет тому назад.

Однако, пренебрегая вопросом о бытии денег, мы упускаем из виду условность и изменчивость различных форм, которые принимают современные деньги. Рынки развиваются, и распределение стоимости и денег в обществе постоянно меняется. Тщательным отслеживанием этого и занимается экономика. Однако для того, чтобы экономические модели могли достичь такого впечатляющего уровня точности и чёткости, позволяющего им быть применимыми для нужд бизнеса и государства, определённые компоненты этих моделей должны оставаться неизменными и неоспариваемыми. Это касается природы и образования денег. Когда политика направляется экономикой мейнстрима, неизменность денег берётся за данность, а воображение, с ними связанное, существенно ограничивается. Так функционирует идеология в отношении вопроса денег. Мы наблюдаем за работой механизма, который Славой Жижек называет «идеологическая натурализация»: «При современном глобальном капитализме идеологическая натурализация достигла невиданного уровня: не часто встретишь тех, кому хотя бы *грезятся* утопии, включающие возможные альтернативы <...> Но напрасно кажется, что эпоха идеологических утопий осталась позади, никем не оспариваемая гегемония капитализма имеет поистине утопическое ядро капиталистической идеологии, которое поддерживает её. Утопии альтернативных миров были изгнаны другой утопией, имеющей власть и прикрывающейся прагматичным реализмом» [Žižek 2009: 77].

Поскольку современная форма денег представляется естественной, обсуждать или даже представлять себе другие формы денег в качестве решения актуальных экономических и социальных проблем оказывается затруднительным. Политические дискуссии, последовавшие за финансовым кризисом 2008 г., быстро устремились в сторону узкого вопроса о том, должно ли (и если должно, то как) государство вмешиваться и поддерживать крупнейшие финансовые институты, чтобы предотвратить полный коллапс рынков. Невероятная способность капитализма «натурализовывать» себя, не просто как доминирующую, а *единственно* возможную на сегодняшний день систему производства и распределения стоимости, проявилась в любопытном парадоксе, когда наиболее радикальные идеи высказывались самыми отъявленными сторонниками свободного рынка, которые предлагают государству остаться в стороне и дать силам рынка вести себя «естественным» образом. Разница мнений в сегодняшнем политическом ландшафте измеряется не тем, *поддерживаешь ли ты капитализм или нет, а тем, как именно ты его поддерживаешь*. Политическая реакция на финансовый кризис 2008 г. похожа на реакцию на разрушение Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 г. Так же как финансовый кризис мог бы стать поводом переосмыслить современный капитализм, нападение 11 сентября могло поспособствовать дискуссии о роли США как доминирующей мировой силы и пересмотру отношений между так называемыми развитыми и развивающимися странами. Это трагическое событие тем не менее открыло окно политических возможностей для того, чтобы, вероятно, поменять базовые координаты нашей политической системы. Как мы знаем, впрочем, это окно почти мгновенно захлопнулось, когда падение башен было использовано для начала «войны против терроризма».

Чтобы преодолеть финансовый кризис, большинство западных стран приняли решение о помощи проблемным банкам. Логика, которой руководствовалось государство, вмешиваясь в финансовый рынок, была такой: «В нормальных обстоятельствах финансовые рынки сами придут в точку равновесия, что обеспечит оптимальные условия для создания и распределения стоимости и денег в обществе. Текущая ситуация, однако, исключительная. Она не вписывается в норму и поэтому требует исключительных мер. Мы, правительство, в связи с этим обеспечим исключительное вмешательство в рынок, чтобы восстановить нормальную ситуацию, а рынки снова будут функционировать сами по себе».

Подход к вмешательству государства на финансовых рынках структурно аналогичен логике, применённой к вопросу о пытках (и приостановке действия различных гражданских прав), последовавших за 11 сентября. Логика, объясняющая применение пыток к «вражеским боевикам», подозреваемым США и их союзниками в террористической деятельности, была такой: «В нормальных обстоятельствах мы, будучи демократическими правительствами, верим в священность прав человека и осуждаем применение пыток. Текущая ситуация, однако, исключительная. Она не вписывается в норму и поэтому требует исключительных мер. Мы, демократические правительства, в связи с этим будем применять пытки, чтобы устранить прямую угрозу нашим обществам и восстановить нормальную ситуацию, а демократия снова будет функционировать и выживать, так что впредь можно будет обойтись без таких недемократических мер, как пытки».

В обоих случаях, и в отношении 11 сентября, и в отношении финансового кризиса, закрывшееся окно возможностей означало, что фундаментальные вопросы, затрагивающие социальный порядок, были исключены из дискуссии. В контексте финансового кризиса не было затронуто множество важнейших вопросов, относящихся к образованию денег, например: нужны ли нам вообще частные банки? Нужна ли нам экономика, базирующаяся на деньгах, созданных из долга? Должны ли мы позволять финансовым рынкам определять условия экономической политики? Должны ли заёмщики беспрекословно платить по своим долгам? Нужна ли нам экономика, основанная на бесконечном росте? Будет преувеличением сказать, что вопрос о природе денег полностью отсутствует в экономике мейнстрима. Тем не менее к нему подходят так, что онтологическое происхождение денег не затрагивается. Стандартный ответ на вопрос «что такое деньги?» является перечислением четырёх определяющих функций денег:

(1) средство обмена; (2) счётная денежная единица; (3) средство сбережения и (4) средство (отложеного) платежа. Это четырёхсоставное определение в английском языке даже существует в виде простого стишка-запоминалки: «Деньги суть четырёх ипостасей отражение: обмен, счёт, платёж и сбережение». Важно отметить, что в приведённом определении ответ на изначальный вопрос о том, что *есть* деньги, даётся через описание того, что деньги *делают*; в списке перечисляются *функции, выполняемые деньгами*. Это ни в коей мере не означает, что определение неверное. Представьте: нас спрашивают, что такое молоток, а мы говорим в ответ, что это такая штука, которой забивают в дерево гвозди. Вот на что похожа предложенная формулировка. Однако таким образом мы неявно натурализуем деньги, по крайней мере в двух смыслах.

Во-первых, мы можем задаться вопросом о том, насколько приведённый список функций является исчерпывающим. Безусловно, деньги выполняют эти четыре функции, но они ещё много что делают помимо того. Разве деньги не являются также способом контроля других людей, стандартизации желаний, механизмом концентрации богатства в руках немногих людей и поводом для недовольства многих? Перечисление четырёх функций денег, приведённое выше, предполагает, что они являются обязательными свойствами, а все остальные — просто случайны. Это всё равно что сказать, будто свойство забивать гвозди — неперемнная функция молотка, а вот садануть им по большому пальцу — это просто случайность. Может быть, в случае с молотком подобное определение и не вызывает проблем, однако в случае с деньгами это не так. Определяя деньги через четыре функции, мы так же заблуждаемся, как и в том случае, когда говорим, что пистолет — это вещь, с помощью которой борются за мир, защищая невинных людей.

Во-вторых, определение денег через те функции, что они выполняют, представляет деньги всего лишь как прикладное решение прикладной же задачи. Можно развить это соображение, взглянув на другой отрывок из учебника по вводному курсу экономики. В следующем фрагменте из главы с названием «Что такое деньги?» автор пытается объяснить функцию денег как средства обмена: «Использование денег как средства обмена повышает эффективность экономики, снижая затраты времени на операции обмена. Чтобы понять, почему это так, рассмотрим *бартерную экономику*, в которой нет денег, а товары и услуги непосредственно обмениваются на другие товары и услуги. К примеру, профессор экономики Элен умеет делать одну замечательную вещь — читать лекции по экономике. Если Элен хочет кушать, то в бартерной экономике ей придётся найти фермера, не только производящего устраивающие ее продукты, но и интересующегося лекциями по экономике. Очевидно, такой поиск потребует очень много сил и времени, которые Элен могла бы потратить на чтение лекций тем, кто в этом нуждается. Возможно, ей придётся оставить чтение лекций и самой заняться фермерством (хотя даже в этом случае она может погибнуть от голода). Время, потраченное на обмен товаров и услуг, — *операционные издержки*. В бартерной экономике операционные издержки высоки, так как людям приходится удовлетворять «двойное совпадение желаний»: они должны найти того, кто имеет нужный товар или услугу и одновременно желает приобрести предлагаемые взамен товар или услугу. Посмотрим, что произойдёт, когда в экономике появятся деньги. Элен сможет учить каждого, кто готов платить деньги за её лекции. Затем она сможет пойти к любому фермеру (или в супермаркет) и купить нужные продукты питания за деньги, заработанные чтением лекций. Проблема двойного совпадения желаний устраняется, а Элен экономит массу времени, чтобы заниматься тем, что у неё лучше всего получается, — преподаванием» [Мишкин 2006: 84–85].

Сценарий в приведённом отрывке на самом деле является вымышленным. Тем не менее он даёт несколько ключевых прозрений о том, как деньги воспринимаются экономикой мейнстрима. Учитывая воображаемую природу сценария, мы можем поступить с отрывком так же, как психоаналитики поступают со сновидениями, то есть как с сюжетом, обнаруживающим подспудные фантазии экономиста.

Сценарий рассказывает о происхождении денег как о практическом решении для практической проблемы. Есть профессор, предлагающий услугу (преподавание экономики), и есть фермер, имеющий товары (еду), а также есть задача помочь им вступить в отношения обмена. В уравнение вводятся деньги и служат решением задачи. В описанной ситуации проблема, решённая деньгами, натурализована (делается совершенно естественной). При этом на заднем плане маячит вариация загадочного хайдеггеровского вопроса: «Почему вообще есть сущее, а не наоборот — ничто?» [Хайдеггер 1997: 87]. Вариация, разумеется, такая: «Почему вообще есть деньги, а не наоборот — никаких денег?» Однако в то время как вопрос Хайдеггера остаётся метафизической загадкой, цель которой — способствовать радикальному метафизическому мышлению, демонстрация вопроса о деньгах из учебника, напротив, представляется банальностью, на которую есть исчерпывающий ответ.

В сценарии из учебника есть ещё один любопытный парадокс: наличие экономиста в бартерной экономике. Мы можем предоставить аргументы в пользу того, что при бартерной экономике не было бы никаких экономистов, поскольку проблемы, над решением которых работают экономисты, возникают только с появлением денег. Даже вообразить фермера в бартерной экономике, который был бы заинтересован в лекциях по экономике, значит скрыть тот факт, что проблемы, при которых фермеру понадобится экономика, возникают только при денежной экономике. В этом смысле образ экономиста в бартерной экономике затмевает двойственную роль денег как средства, решающего проблемы и проблемы создающего. Присутствие экономиста в бартерной экономике возвышает экономику не только до уровня науки о проблемах и вопросах, возникающих с эволюцией денег, но и до уровня науки о до-денежном человеке. Иными словами, экономист — это философ. Разве это не указывает на положение экономической науки и экономистов на политическом ландшафте сегодня? В современном постидеологическом капитализме экономика функционирует как наука о самой жизни.

Представление о деньгах как о практическом решении практической проблемы скрывает идеологические измерения денег. Мы можем обсуждать, кто должен получать больше или меньше и кого можно заставить платить больше или меньше, и, действительно, подобные вопросы охотно обсуждаются на современных политических форумах. И всё же такие дебаты происходят в рамках, намеченных современной формой денежной системы. Принимается за данность то, что современные формы денег обеспечивают оптимальные решения ряда экономических проблем, рассматриваемых всего лишь как порождение человеческой природы. Политические вызовы сегодняшнего дня сводятся к управлению текущей экономической и денежной системами таким образом, чтобы они функционировали оптимально, а это измеряется набором параметров, уже заданных самими этими системами.

Книга «Как делаются деньги?» — это философский анализ феномена денег в современном капитализме. Помимо достижения более глубокого понимания денег, задачей анализа является политизация денег. Если экономике мейнстрима присуща тенденция к натурализации текущей формы денег, то цель данной книги — использовать философию, чтобы пошатнуть эту натурализацию. Размах нашего коллективного политического воображения не должен ограничиваться различными моделями того, что мы можем сделать с деньгами. Мы должны быть открыты размышлениям о возможностях создания различных новых типов денежных систем, новых и разнообразных типов денег.

Мы не должны слишком преувеличивать ту степень, до которой онтологический вопрос денег был полностью забыт всеми формами мышления об экономических проблемах. Предлагать экономику мейнстрима в качестве мальчика для битья значит выбрать лёгкую добычу. Про деньги думают и в других областях знания, где есть тенденция к размышлению о природе денег. Во-первых, нужно понимать, что экономика не равна экономике мейнстрима. В последние годы существует растущий интерес к так называемой неортодоксальной экономике; эта область исследований получила особенный толчок после начала финансового кризиса 2008 г. [Davis 2006; Lawson 2009]. Сама неортодоксальная экономика

является не единой парадигмой, а, скорее, покрывающим диапазон различных подходов к изучению экономических проблем общим термином, включающим посткейнсианство, марксизм, австрийскую экономическую школу, социэкономистику и др. Все эти различные подходы объединяет не внутренняя схожесть основополагающих предпосылок, а, скорее, их общая противоположность ортодоксальной экономике или же экономике мейнстрима.

Иными словами, неортодоксальная экономика едина в своём несогласии с ортодоксальной экономикой. По ходу этой книги я буду прибегать к соображениям из неортодоксальной экономики, поскольку они дают поистине плодотворную критику, базирующуюся на тщательном взаимодействии с основными понятиями экономики.

Во-вторых, хотя в области изучения денег и финансов экономика, возможно, и доминирует, в последние годы социология и антропология проложили новые пути для изучения экономических тем. Вероятно, самым выдающимся примером является область социальных финансовых исследований, в которую входят такие публикации, как «*The Laws of the Markets*» («*Законы рынка*») Мишеля Каллона, «*The Sociology of Financial Markets*» («*Социология финансовых рынков*») Карин Кнорр-Цетины и Алекса Преды, «*An Engine Not a Camera*» («*Двигатель, а не зеркало*») Дональда Маккензи, «*Out of the Pits*» («*Из ямы*») Кэйтлин Залум и «*Liquidated*» («*Ликвидированные*») Карэн Хо. Также мы можем добавить публикации из области антропологии денег, такие как «Социальное значение денег» Вивианы Зелизер² и «Долг: первые 5000 лет истории» Дэвида Гребера³. И в той и в другой области мы можем обнаружить эмпирические исследования экономических проблем, охарактеризованные качественным подходом, что принципиально отличает их от экономики, предпочитающей подход либо количественный, либо чисто теоретический. Подчеркну, что я буду использовать результаты исследований и из области социологии, и из антропологии, чтобы подкрепить и дополнить тот анализ, который будет проводиться в книге. Так или иначе, задача этой книги — обозначить место для отдельной области философского изучения денег. Философия отличается от экономики и социальных наук не столько умением давать новые ответы на старые вопросы, сколько умением задавать принципиально новые вопросы. Хорошие вопросы — отличительный признак любой хорошей философии. Более того, постановка новых вопросов в философии приводит к созданию новых концепций. Суть философии не в применении существующих теорий к новым эмпирическим областям и проблемам, а как раз в создании новых концептов, способствующих мышлению. Я не хочу сказать, что философское мышление полностью отсутствует в экономических, социологических или антропологических исследованиях, они, так же как и хороший философский анализ, используют открытия из других областей. Я всего лишь хочу сказать, что тот анализ, который именуется философией, нужно оценивать по тому, насколько он продвигает наше традиционное мышление за рамки простого принятия или непринятия существующих гипотез. В этом вступлении я использовал Хайдеггера, чтобы открыть вопрос о деньгах для философского изучения. Однако, когда мы перейдём к непосредственному анализу, основной точкой теоретического отсчёта станут работы Славоя Жижека. Я счёл используемое им разделение на три онтологических порядка — реальное, символическое, воображаемое — хорошо подходящим для того, чтобы концептуализировать функционирование финансовых рынков, а также различные стороны процесса создания денег. Хотя взаимодействие с современным капитализмом присуще сочинениям Жижека, размышления на тему денег как таковых появляются только в виде зачаточных фрагментов, разбросанных по его текстам. Задача книги «Как делаются деньги?» — использовать тот потенциал в философии Жижека, который позволит раздвинуть рамки нашего текущего представления о деньгах и финансах.

² См. рус. перев. под науч. ред. В. В. Радаева: Зелизер В. А. 2004. *Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы*. М.: Изд. дом ВШЭ. — Примеч. ред.

³ См. рус. перев.: Гребер Д. 2015. *Долг: первые 5000 лет истории*. М.: Ад Маргинем Пресс. — Примеч. ред.

То, что Жижек даёт анализу, — это в первую очередь огромная концептуальная мощь. Триада «реальное — символическое — воображаемое» — основа богатой системы взаимосвязанных концептов, которая позволяет нам исследовать философские смыслы различных аспектов образования современных денег, включая финансовые рынки, финансовые спекуляции, цену, стоимость, риск, золото, государство, кредит, коммерческие банки, центральный банк, деривативы и т. д. Одним из положительных результатов экономического кризиса, начавшегося в 2007–2008 гг., стало пробуждение критического общественного интереса к образованию и функционированию международной финансовой и банковской системы. По мере того как все новые аспекты этой системы выходят на поверхность, мы начинаем различать контуры крайне сложной глобальной машины, которая не только обеспечивает мировую торговлю и производство, но и систематически позволяет концентрировать большие объёмы богатства в руках очень незначительного количества людей. Сложность и запутанность современной денежной системы должна получить отпор от ещё более сложной и запутанной теоретической системы. Это как раз то, что даёт нам Жижек. Он — *Goldman Sachs*⁴ современной философии.

Структура книги строится вокруг двух значений фразы «делать деньги». Часть I берёт начало из первого и самого непосредственного значения. Задача этой части — проанализировать, как спекулянты и инвесторы делают деньги на финансовых рынках. Глава 1 вводит базовые координаты жижекского философствования через применение триады «реальное — символическое — воображаемое» к финансовым рынкам. В этой же главе я рассказываю о двух школах спекуляции на финансовых рынках — техническом и фундаментальном анализе — и рассматриваю их философские свойства. Глава 2 прослеживает историю идей, связанных с современными неоклассическими финансами. Эволюция понятия «эффективный рынок» является ключевой составляющей неоклассического подхода к финансовым спекуляциям. Я показываю, как это теоретическое понятие функционирует в качестве фантазии, которая оказывает глубокое влияние на условия фактической торговли на финансовом рынке.

Уместность анализа финансовых спекуляций покоится на предпосылке, что мы живём в эпоху финансового капитализма. Когда Маркс изучал деньги в контексте промышленного капитализма, он смотрел на то, как капитал формировал структуру производства и оборота товаров. Для того чтобы сегодня изучать деньги, нам нужно посмотреть на то, как капитал формирует структуру покупки, продажи и ценообразования акций, облигаций, валют, деривативов и других форм ценных бумаг и финансовых инструментов, которые торгуются на глобальных финансовых рынках. Это «естественная среда обитания» современных денег.

Допущение, что сегодня мы живём в эпоху финансового капитализма, не означает, что промышленное производство или другие формы экономического взаимодействия больше не существуют. На самом деле объём промышленного производства на сегодняшний день значительно превышает объём промышленного производства в то время, когда Маркс писал «Капитал». Так или иначе, важность финансовых рынков заключается в том, что логика этих рынков, похоже, проникает во многие сферы экономической жизни. Логика финансов уже не ограничена финансовыми рынками. По мере того как ценообразование всё большего перечня активов — и даже самих денег — в итоге определяется финансовыми рынками, агенты, вовлечённые в так называемую реальную экономику, такие как фермеры, производители или даже частные домовладельцы, оказываются подчинёнными логике этих рынков. Финансы являются определяющей логикой современных денег.

⁴ *Goldman Sachs Group* — один из крупнейших и влиятельнейших в мире инвестиционных банков. Существуют всевозможные теории заговора, согласно которым банк подозревался (впрочем, небезосновательно) в организации разнообразных схем, направленных на получение выгоды только лишь самим банком, за счёт всех остальных вовлечённых сторон. — *Примеч. перев.*

Часть II развивает второе значение фразы «делать деньги». Задача этой части — исследовать, как деньги создаются и как определённые объекты начинают функционировать в качестве денег. Следуя за Хайдеггером, мы задаём настоящий онтологический вопрос: «Как *есть* деньги?» Глава 3 демонстрирует другие пласты философии Жижека, когда его теория субъекта, подобно доллару, используется для целей философского осмысления денег. Я применяю эту теорию для анализа товарной теории денег (А. Смит, К. Маркс) и фидуциарной теории денег (Г.-Ф. Кнапп, Дж. Кейнс). В главе 4 я использую теорию Жижека для анализа кредитной теории денег (А. Митчелл-Иннес). Глава включает также анализ онтологических свойств банковских операций.

Часть III объединяет два значения фразы «делать деньги»; она вводит идею о том, что современный капитализм характеризуется специфическими условиями делания денег на делании денег. В этой части я помещаю онтологическую проблему денег в исторический и социологический контексты и ставлю вопрос: «Что *есть* деньги сегодня?» Глава 5 исследует сдвиг монетарной парадигмы, который возник в результате коллапса Бреттон-Вудской системы в 1971 г. Мой аргумент заключается в том, что этот сдвиг привёл к текущему состоянию денег, отмеченному доминированием посткредитных денег. Глава 6 показывает, как распространение посткредитных денег обусловлено одновременным экспоненциальным ростом объёмов торговли финансовыми деривативами. Совокупный эффект этих двух тенденций приводит к общей дестабилизации денег, когда контроль за созданием и ценообразованием денег переходит из сферы демократической политики в сферу финансовых рынков, где определённые частные агенты занимают привилегированные места.

В заключении я делаю попытку заглянуть за пределы современной денежной парадигмы, пытаюсь представить, как выглядела бы революция в эпоху финансового капитализма.

Часть I. Философия финансов

Глава 1. Анализируя финансовые рынки

Ключевым элементом становления финансов в XX веке стало применение моделей и методов из естественных наук к изучению финансовых рынков. Можно сказать, что современные финансы возникли вместе с работой Луи Башелье «Теория спекуляции», напечатанной в 1900 г. Башелье обнаружил гомологию между движениями цен облигаций на Парижской фондовой бирже и диффузией тепла в физическом веществе. Это открытие позволило ему применить общие математические модели, разработанные в области физики, в особенности закон нормального распределения по Гауссу, для изучения финансовых явлений.

Методологическая идея, которой данная книга руководствуется, также состоит в том, чтобы установить междисциплинарные связи. Вместо того чтобы использовать естественные науки в качестве парадигмы для изучения финансов, мы хотим установить связь между финансами и философией. Через переосмысление функционирования финансов в философских категориях мы хотим открыть эту область для применения философских моделей и концепций. Направление применения в первую очередь организовано вокруг различий между реальным, символическим и воображаемым, которые использует Славой Жижек.

Современные финансы являются дисциплиной, отличающейся высокой системной сложностью и методологической строгостью. Подобные качества она приобрела в основном благодаря заимствованиям из математики и эмпирических естественных наук, ставших методологической основой дисциплины. Философия, конечно, ничего похожего предложить не способна. Кто-то может даже сказать, что философия как раз наделена обратными качествами: спекулятивным анализом и беспорядочной методо-

логией. Хотя я не согласен с такой точкой зрения, задача моего исследования не состоит в поддержке широко распространённого представления занимающихся финансами учёных о том, что область их исследования является на самом деле подразделом естественных наук. Возможно, цель анализа можно суммировать старомодным марксистским образом: выявление идеологического компонента в работе финансовых рынков.

Анализ начинается с вопроса: «Как работают деньги на финансовых рынках?». Это необязательно философский вопрос. С него прекрасно можно начать и экономический анализ. Разница между философским и экономическим анализами состоит в том, что нам слышится в вопросе. Философский, так же как и экономический, анализ могут начать с ответа на вопрос «Что такое деньги?» в контексте разницы между стоимостью и ценой. Экономический анализ способен объяснять функционирование денег через образование цены активов с высокой стоимостью. Что экономика и финансы умеют делать хорошо, так это строить модели, рассчитывающие цену активов с высокой стоимостью. Модель ценообразования опционов Блэка—Шоулза, к которой мы ещё вернёмся, вероятно, одна из самых известных подобных моделей в истории современных финансов. Поэтому вопрос о функционировании денег на финансовых рынках экономист слышит так: «Как на рынке образуется цена на активы с высокой стоимостью?»

В хайдеггеровской терминологии экономика является онтическим исследованием вопроса денег. Она переиначивает вопрос о деньгах в вопрос о том, «что деньги делают». Онтическое исследование интересует сущности (*Seiende*) с точки зрения их «что-бытия» (*Was-sein*). В результате экономика отвечает на вопрос о деньгах через демонстрацию механизма ценообразования, присущего рынку. Наш философский подход к деньгам является онтологическим исследованием, поскольку нас интересует само «быть» (*Sein*) денег. Хотя мы будем исследовать деньги через отношение разницы между стоимостью и ценой, основная задача анализа — описать функционирование рынка с помощью взаимосвязи между различными онтологическими измерениями, что является основным условием феномена денег. Вопрос денег разбивается на серии подвопросов: «Что *есть* стоимость?», «Что *есть* цена?», «Что *есть* рынок?» Философский ответ на эти подвопросы возникает через приписывание каждого компонента к разным онтологическим измерениям и объяснение их взаимосвязи. Чтобы превратить деньги и финансовые рынки в объекты философского изучения, мы обратимся к философии Славоя Жижека, в частности к его разделению на три онтологических порядка: реальное, символическое и воображаемое.

Реальное стоимости

В центре философии Жижека мы находим тройственное разделение между реальным, символическим и воображаемым [Жижек 1999]. В этом смысле философия Жижека напоминает хайдеггеровскую, поскольку и тот и другой начинают с того, что проводят различие между онтологическими уровнями. Хайдеггер делает двусоставное различие между «быть» (*Sein*) и сущими (*Seiende*).

Применяя философию Жижека к финансам, мы можем представить финансовые рынки как системы символизации. В самом простом виде финансовые рынки соотносятся с различными базовыми активами в производящей экономике. Акция относится к активам компании, выпустившей акции, и даёт право её держателю на долю в потоке денежных средств, создаваемом этими активами. Облигация относится к долгу государства или компании и даёт её держателю право на долю в потоке денежных средств, создаваемом процентными платежами по этому долгу. Когда акция или облигация торгуется по определённой цене, эта цена является символическим отображением стоимости базового актива и стоимости ожидаемого денежного потока.

Значение жижековского символического становится ясным, только когда мы задумываемся о нём в отношении к регистру реального. В связи с этим мы можем подумать об отношении между ценными бумагами на финансовых рынках и их базовыми активами в терминах различия между символическим и реальным. Цены, установленные на финансовых рынках, являются символическими выражениями реальной стоимости базовых активов. Жижек определяет символическое как систему знаков, возникающих, когда реальное встраивается в социальный порядок языка, смысла, права и т. д. Однако, как известно любому, кто хоть как-то взаимодействовал с финансовыми рынками, стоимость — чрезвычайно неуловимый концепт. Мы даже можем предположить, что как раз неуловимость стоимости и порождает финансовую торговлю.

Согласно Жижеку, операция символизации не может быть обусловлена некими реальными свойствами символизируемых объектов. Напротив, определённые парадигмы смысла и закономерности воспроизводятся в символическом порядке на основе структур, присущих этому порядку. В этом отношении можно сказать, что идеи Жижека вроде как совпадают с преобладающим вариантом социального конструктивизма, представленного такими фигурами, как Витгенштейн, Луман или Фуко. Если обратить внимание на то, как Жижек разделяет социальную *реальность* и *реальное* [Žižek 1991: 3–20], мы увидим, что символизация реального является социальным конструированием реальности. Следуя этой логике, цены на финансовых рынках не определяются какой-то стоимостью, непременно присущей реальным активам. Цены, скорее, являются социальными конструкциями реальности и определяются имманентными рыночными механизмами, а не независимыми свойствами реального.

По мере того как реальное трансформируется в реальность нашего социального мира, реальное теряется. Символизация перечёркивает наш доступ к реальному. Здесь есть сходство с идеей Хайдеггера о том, что наша поглощённость миром сущностей не позволяет нам воспринимать мир в его непосредственном «быть». Как только реальное интегрируется в символический порядок языка и смысла, оно становится недоступным в своём непосредственном и неделимом состоянии. Мы можем сравнить это с тем, как звук и ритм голоса ускользают от нас, стоит нам начать фокусироваться на смысле произносимых слов. В мире финансов мы видим, как торговля акциями на бирже происходит без оглядки на всё, кроме цены акции и её ожидаемых будущих изменений. Это означает, что качества соответствующей компании стираются настолько, что они больше никак не влияют на цену. Поэтому мы видим, как начало торгов акциями компании на бирже иногда приводит к тому, что внимание руководства и акционеров переключается с социальных, этических и экологических аспектов деятельности компании на краткосрочные колебания цены акций. Эффект от упразднения параметров функционирования соответствующих экономических структур усиливается ещё больше, когда торги уходят в область деривативов. Эти финансовые продукты, к которым мы ещё вернёмся, даже не соотносятся напрямую с реально существующими экономическими структурами, а всего лишь указывают на права и обязанности, имеющие значение в торгах другими финансовыми продуктами в указанный будущий момент времени. В виртуальной реальности торговли деривативами реально существующая экономика частенько сводится к всего лишь абстракции и поэтому ускользает из виду.

Тем не менее сводить финансовые рынки к простым социальным конструктам было бы грубым упрощением. В колебаниях финансовых рынков присутствует постоянное взаимодействие между имманентными силами рынка и событиями за его пределами. Жижековское различие между символической реальностью и реальным хорошо подходит для теоретического осмысления этого взаимодействия. Однако Жижек порывает с доминирующими теориями социального конструктивизма в тот момент, когда вслед за Лаканом настаивает на неполноте или даже невозможности любой системы символизации. Отношения между реальным и символическим характеризуются онтологическим дисбалансом. С одной стороны, символизация перечёркивает наш доступ к реальному. Но, с другой, в каждой операции символизации существует остаток в виде избытка или нехватки реального. Таким образом, воз-

никает странный парадокс, при котором реальное — это то, чего мы никогда не можем достигнуть, и то, от чего не можем избавиться.

Этот парадокс улавливает специфику условий, в которых находится финансовый спекулянт. Иногда создаётся впечатление, что изменение цен на финансовых рынках никак не связано с тем, что реально происходит с базовыми активами. Например, резкий рост цены акций компании может произойти в тот день, когда не было обнародовано никакой новой информации о деятельности компании. В таких случаях кажется, что рынок начинает жить сам по себе. А иногда бывает так, что рынок активно реагирует на внешние события, относящиеся к торгуемым реальным активам, что незамедлительно отражается на цене акций. В философских терминах, рынок имеет двойную эпистемологию. Спекулянт постоянно сталкивается с дилеммой между этими двумя эпистемологиями, но вынужден посредничать между ними.

Реальное является ключевым компонентом во всей философии Жижекa, и в своей работе он теоретизирует его по-разному и в разное время. Иногда реальное располагается в позитивном существовании за пределами сферы символизации. Он определяет реальное как «то, что сопротивляется символизации» [Жижек 1999: 74], и говорит, что «это помеха, о которую спотыкается любая попытка символизации»⁵. Иногда реальное располагается в негативном существовании, то есть просто как пустота или апория, присущая символическому регистру. Жижек заявляет, что «символический порядок как таковой тоже является *barré*, тоже оказывается перечёркнутым фундаментальной невозможностью, структурированной вокруг некоей недостижимой и (или) травматической сущности, вокруг центральной нехватки» [Жижек 1999: 128]. Эти два способа теоретизирования реального могут показаться противоречащими друг другу, и, возможно, так оно и есть. Однако это противоречие само по себе — симптом невозможности концептуализации (символирования) реального. Жижек суммирует два объяснения следующим образом: «Сначала Реальное — это невозможное твёрдое ядро, недоступное нам напрямую; мы можем подобраться к нему лишь через множество символических вымыслов, виртуальных образований. Затем само это твёрдое ядро оказывается чисто виртуальным, не существующим на самом деле, тем *X*, который может быть реконструирован лишь задним числом из множества символических образований, которые и есть “всё, что существует на самом деле”»⁶.

Этот отрывок написан вязким философским языком, но он очень хорошо улавливает статус и дилемму отношений между стоимостью и ценой на финансовых рынках. Будь Жижек исследователем финансов, он мог бы сказать: «Сначала стоимость — это невозможное твёрдое ядро, недоступное нам напрямую, мы можем подобраться к нему лишь через множество ценовых образований». Хотя у нас есть ощущение, что активы обладают некоей внутренней стоимостью, тяжело говорить о стоимости без немедленного ввода понятия цены. А когда торгуются активы, вообще становится невозможно говорить о стоимости с помощью терминов цены. На самом деле одна из основных функций рынка — оценивать стоимость активов в категориях цены.

В то же время существует несоответствие между стоимостью и ценой, заложенное в устройстве рынка. В идеале продавец актива верит, что цена, которую он получит, превысит стоимость актива. И наоборот, покупателю хочется верить, что стоимость актива превышает цену, которую он заплатил. Таким образом, торговля возможна, пока цены *не* могут отражать стоимость актива в каком-то определенном смысле, то есть пока нельзя столкнуться со стоимостью напрямую.

⁵ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — *Примеч. ред. рус. издания.*

⁶ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — *Примеч. ред. рус. издания.*

На потребительских рынках неуловимость цены очевидна, поскольку продавец и покупатель являются гетерогенными сторонами, с разными нуждами и желаниями. Продавец обычно хочет извлечь прибыль, торгуя товаром, который он либо сам произвёл, либо приобрёл у третьей стороны. Покупатель, однако, имеет совершенно другие причины для участия в сделке. Возможно, он голоден, ему холодно или же он просто в настроении купить новую пару джинсов, чтобы хорошо выглядеть в глазах потенциального партнёра. Гетерогенность продавца и покупателя означает, что при определении стоимости становятся задействованными очень разные стандарты оценки. На языке Жижека, со стоимостью можно столкнуться сквозь призму множества ценовых образований. Продавец будет подходить к стоимости товара с точки зрения расчёта издержек на производство, маркетинг и продажу товара, цены схожих товаров на рынке и т. д. Безусловно, покупатель тоже может руководствоваться ценой похожих товаров на рынке, но он также будет подходить к стоимости товара с точки зрения того, насколько он в состоянии удовлетворить определённую нужду или желание. Акт продажи состоится по определённой цене, когда две стороны задействуют такие меры стоимости, благодаря которым сделка станет привлекательной для них обоих.

На финансовых рынках проблема несоответствия между ценой и стоимостью куда менее однозначна. Хрестоматийное определение фондового рынка гласит, что это место, где компании, нуждающиеся в капитале для инвестирования и расширения, встречаются с инвесторами, у которых есть лишний капитал. Лишний капитал торгуется в обмен на акции компаний. В похожем ключе валютные рынки рассматриваются как места, где компании могут конвертировать валюты, способствуя международной торговле.

Однако если мы посмотрим на то, как на самом деле функционируют современные финансовые рынки, такое определение представляется наивным, поскольку оно почти не объясняет бурный рост объёмов финансовых торгов, произошедший за последние три-четыре десятилетия. На валютных рынках, например, объёмы торгов в несколько сотен раз превышают объёмы мирового импорта и экспорта товаров [Knoig-Cetina, Preda 2005]. Это показывает, что значительное большинство транзакций на иностранных фондовых биржах не отражают разнородные нужды компаний по покупке и продаже товаров в других странах, а просто мотивированы желанием извлечь спекулятивную прибыль на колебаниях валютных курсов.

При таких обстоятельствах мы не можем принять гетерогенность продавцов и покупателей на финансовых рынках как должное. Что же движет торгами на финансовых рынках? Хотя в большинстве сделок качественной разницы между продавцами и покупателями не существует, у них тем не менее разные представления относительно активов, участвующих в торгах. В отличие от потребительского рынка, на финансовом рынке разница между представлениями продавца и покупателя о стоимости актива количественная, а не качественная. Их отличает не разница в природе их желаний, а только мнение о том, как эти желания лучше удовлетворить. Для примера представьте, что одна сторона продаёт акции по определённой цене, потому что считает, будто в обозримом будущем цена упадёт (то есть текущая цена превышает стоимость). Другая сторона приобретает акции, полагая, что цена вырастет (то есть текущая стоимость превышает цену). Обе стороны хотят получить деньги и верят, что они заработают их на сделке.

По сути, это фундаментальное несоответствие между ценой и стоимостью позволяет «множеству ценовых образований» сосуществовать и, таким образом, давать торгам возможность состояться. Ни продавец, ни покупатель не могут «столкнуться со стоимостью напрямую». Обоим остаётся использовать косвенные оценки истинной стоимости актива. Как мы можем увидеть, определение, которое Жижек даёт реальному, применимо к стоимости, поскольку стоимость «сопротивляется символизации» [Жи-

жек 1999: 74] и функционирует как «помеха, о которую спотыкается любая попытка ценообразования»⁷. Парадоксальным образом невозможность абсолютно точного ценообразования является условием возможности рынка. Торги возможны, только пока стоимость активов не определена однозначно. Если мы представим, что Бог спустился с небес и навесил точный ценник на все компании на бирже, большая часть торгов их акциями прекратится.

Согласно Жижeku, эффективность любой формы социального взаимодействия предполагает элемент неведения со стороны участников: «Социальная эффективность процесса обмена — это такая действительность, которая возможна лишь при условии, что индивиды, участвующие в ней, не осознают её настоящей логики. Это такая действительность, сама онтологическая устойчивость которой предполагает определённое незнание со стороны её участников: если нам удастся “узнать слишком много” <...> эта действительность рассыплется»⁸.

Если говорить о финансовых рынках, это означает следующее: чтобы торг был возможен, должно иметь место определённое незнание стоимости торгуемых активов. Важно подчеркнуть, что несоответствие между ценой и стоимостью не является эпистемологическим. Оно онтологическое. Цены не соответствуют стоимости не потому, что на рынке недостаточно знания. Цены не соответствуют стоимости потому, что стоимость по своей сути неуловима, потому что стоимость относится к порядку реального. Несответствие между ценой и стоимостью ведёт к постоянному выяснению того, как же они связаны. В результате этих выяснений и возникает рынок. Постоянные колебания цен являются свидетельством того, что процесс выяснения не прекращается.

Неизменная волатильность цен на рынках обращает наше внимание на вторую часть жижековского определения реального, поскольку эта волатильность создаёт условия для того, чтобы стоимость представала в другом виде. Если бы Жижек исследовал финансы, он мог бы сказать: «Затем само это твёрдое ядро стоимости оказывается чисто виртуальным, несуществующим на самом деле, тем *X*, который может быть реконструирован лишь задним числом из множества ценовых образований». Представьте себе трейдера, который купил акции *British Petroleum (BP)* на 1 млн фунтов стерлингов. Возможно, он даже сделал это с помощью заёмных средств. Месяц спустя акции выросли на 3%, и он их продаёт. Без сомнения, инвестиция оказалась «ценной». Мы даже можем задним числом определить точную стоимость инвестиции: 30 тыс. фунтов стерлингов минус какие-то транзакционные издержки и процентные выплаты по изначальному займу. Но откуда берётся эта стоимость?

Возможно, мы можем указать на некое событие в деятельности *BP* — скажем, обнаружение многообещающего месторождения нефти, — которое бы объяснило рост цены акций. Возможно, ничего особенного с *BP* не произошло и рост цены обусловлен не чем иным, как результатом спекулятивных торгов на рынке. Возможно, на рынке ходили слухи о вероятном открытии нефтяного месторождения, которые привели к росту цены акций, но спустя несколько месяцев они оказались ничем не подкреплёнными. Даже обладая исключительно подробной информацией о *BP*, мы никогда не сможем узнать наверняка, что на самом деле вызвало рост.

Суть в том, что у нас нет прямого доступа к стоимости *BP*. Всё, что у нас есть, — «это множество ценовых образований». Даже изначальная цена в 1 млн фунтов стерлингов — не что иное, как компромисс между тем, как складывается цена у покупателя и продавца. Мы не можем быть уверены в том, что эта цена является выражением истинной стоимости *BP*. И покупатель, и продавец, вероятно, имеют представление о том, что было бы «правильной ценой», и на момент сделки, вероятно, считают

⁷ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — Примеч. ред. рус. издания.

⁸ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — Примеч. ред. рус. издания.

её выгодной. В связи с этим приблизиться к стоимости инвестиции тоже можно лишь задним числом из множества ценовых образований. Стоимость инвестиции возникает не иначе как из разницы между ценой, образовавшейся на момент покупки акций, и той ценой, которая образовалась, когда они были снова проданы.

Мы увидели, как двусоставное определение реального Жижекком фиксирует два основных способа функционирования стоимости на финансовых рынках. Оба типа стоимости неизменно присутствуют на рынке. В данном случае заманчиво задействовать классическое различие между инвестицией и спекуляцией, чтобы показать различие между двумя типами. Инвестиция будет соответствовать торгам, основанным на ценообразовании активов с точки зрения стоимости, заложенной в материальных свойствах актива. Спекуляция же будет соответствовать торгам, основанным на ценообразовании, учитывающим только временные колебания на рынке. Однако суть жижекковского понятия реального заключается как раз в том, что подобные различия невозможно поддерживать, поскольку природа реального по сути своей неуловима. Две стороны реального переплетены. Нам стоит представлять их себе как две стороны одной ленты Мёбиуса, а не как две разные категории.

Желание на рынке

Философия Жижека — это ещё и психоаналитическая теория субъекта. То, как он мыслит об отношении между субъектом и желанием, может послужить дальнейшему осмыслению того, как функционирует стоимость на финансовом рынке. В отличие от большинства теорий субъекта, Жижек утверждает, что субъект создаётся в результате *ложного*, а вовсе не прямого опознавания. Любой индивид становится социальным субъектом, будучи интегрированным в социальный порядок через серию символических обозначений (электрик, поляк, женщина, футболист-любитель и т. д.). Субъект может опознавать и воспринимать себя через эти категории, но в то же время присутствует ощущение, что эти социальные обозначения не полностью объясняют «кто я есть на самом деле». Даже если можно было перечислить все символические обозначения конкретного индивида, всё равно бы возник остаток, что-то неучётное, ощущение «самости» субъекта.

Мысль Жижека не в том, что каждый индивид имеет в себе подлинное ядро индивидуальности. Скорее, каждый индивид верит, что он или она обладает таким ядром, которое выходит за пределы любого символического обозначения, и поэтому никогда полностью не отождествляет себя с навешанным на него социальным ярлыком. Субъективность возникает не оттого, что мы отождествляем себя с нашими социальными ролями. Но она и не является тем, что мы можем в результате обнаружить за пределами наших социальных ролей. Субъективность — это не что иное, как постоянное настаивание на том, что «это ещё не всё», и она возникает в самом процессе перетасовывания социального порядка в поисках того «кто я есть на самом деле».

Настаивание — это то, что побуждает желание субъекта. Желание — это бесконечное проецирование онтологической «нехватки бытия» на различные объекты в мире, которые бы могли заполнить эту нехватку (деньги, машина, мужчина, более просторный дом, ещё один ребёнок и т. д.). Желание субъекта структурировано необходимостью обнаружить и заполучить те объекты, которые, считается, подтвердят и покажут «кто я есть на самом деле». Жижек даёт описание замысловатого взаимодействия между субъектом и объектами, спроецированными желанием: «Субъект <...> и объект-причина его желания <...> строго соотносены: субъект есть лишь тогда, когда имеется некое материальное пятно, некий материальный остаток, сопротивляющийся субъективации, некий избыток, в котором субъект не может себя узнать. Иными словами, парадокс субъекта заключается в том, что он существует только благодаря своей собственной радикальной невозможности, благодаря “бельму на глазу”, всегда спасающему субъекта от достижения полной онтологической идентичности» [Жижек 2003: 51].

Вне всякого сомнения, желание присутствует на финансовых рынках. Как на бирже, заполненной выкрикивающими что-то брокерами, так и в цифровой среде виртуальной биржи финансовые торги вызывают бурные страсти, эмоции и прочие аффекты. Предостаточно описаний проявления желания на рынке что в академических, что в литературных источниках [Hassoun 2005; Zaloom 2006; Вулф 2009; Лисон 2011]. Один из способов понять желание на финансовых рынках — это идентифицировать его с желанием отдельного трейдера получить побольше денег, посоревноваться и вообще действовать. Однако жижековское описание субъекта и желания, похоже, вписывается в функционирование рынка как такового. В этом смысле мы можем говорить о форме желания на рынке.

Важно сделать акцент на пустой природе объекта желания. Для этого Жижек задействует лакановский концепт *objet petit a* — «пустота, функционирующая как объект желания» [Жижек 1999: 165]. Стоимость является *objet petit a* финансового рынка. Рынком движет желание заполучить этот объект, то есть чтобы цены на рынке совпали с истинной стоимостью активов, торгуемых на рынке. На рынке мы обнаруживаем тот же парадокс, что Жижек описывает применительно к субъекту: парадокс рынка в том, что он существует только благодаря своей радикальной невозможности, благодаря «белму на глазу», всегда спасающему его от достижения полной онтологической идентичности. Рынок существует только потому, что цены никогда полностью не совпадают со стоимостью соответствующих активов, в противном случае не было бы причин торговать; желание на рынке пропало бы.

Парадоксальная природа желания означает, что субъект достигает наслаждения не благодаря получению объектов желания, но через сам поиск этих объектов и борьбу за их получение. На самом деле полное удовлетворение желания может быть фатальным для субъекта. В одной своей работе я показал, как это работает в случае употребления наркотиков [Bjerg 2008]. Рынок функционирует похожим образом. Финансовые трейдеры делают деньги необязательно за счёт точности и правильности своих оценок стоимости различных активов. Скорее, их лихорадочное оценивание и переоценивание активов за счет торговли ими создают колебания на рынке, и эти колебания сами по себе позволяют трейдерам делать (или терять) деньги. Занимаясь поисками *objet petit a* стоимости, трейдеры создают те самые механизмы, которые позволяют им извлекать выгоду из своего присутствия на рынке. Теперь стоимость возникает как виртуальное творение. Если трейдер зарабатывает 100 тыс. дол. за пять минут, совершив умный ход, стоимость должна была быть создана где-то в процессе. Но эту стоимость лучше всего описать как пустоту, которую, впрочем, трейдер может обменять на деньги и приобрести весьма реальные вещи.

Фантазия рынка

Пока что мы лишь бегло коснулись третьего порядка, входящего в трёхсоставную жижековскую схему онтологических различий, — порядка воображаемого. Воображаемый порядок — это то место, где можно сладить с неизбежным разрывом между символическим и реальным. Взаимоотношения реального и символического запутаны, а воображаемый регистр помогает в образовании фантазии, примиряющей их. Символический регистр представляется нам пространством логики, вычислений, верховенства права, предсказуемости, слаженности, завершённости и т. д. Воображаемое, напротив, имеет форму парадокса, тавтологии и незавершённости. В воображаемом регистре мы обнаруживаем туманную и часто толком не сформулированную фантазию о завершённом состоянии символического регистра, где противоречия были преодолены: «Функция фантазии — заполнение прорехи в Другом, сокрытие его фрагментарности <...> Фантазия скрывает то, что Другой (символический порядок) структурируется вокруг некоей травматической невозможности, вокруг чего-то такого, что не может быть символизировано»⁹.

⁹ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — Примеч. ред. рус. издания.

Фантазия делает образ онтологического разрыва между символическим и реальным всего лишь технической, практической и временной проблемой, которую можно преодолеть, приняв нужные меры и устранив препятствия с пути. Если цена и стоимость принадлежат к регистру символического и реального соответственно, воображаемое состоит из различных фантазий соотнесения одного и другого. На финансовых рынках не существует какой-то одной определённой фантазии. У разных людей — разные подходы к рынку, и они будут отличаться в своих проекциях образа рынка. Более того, существуют различные фантазии, которые больше или меньше проявляются в разные исторические периоды. В этой и в следующей главе мы рассмотрим различные фантазии о рынке и их значение для конфигурации отношения цены и стоимости. Хотя наполнение различных фантазий, структурирующих торги на финансовых рынках, может варьироваться, мы уже можем сказать что-то общее о фантазии и рынке.

Мы можем начать с того, чтобы просто обратить внимание на то, как люди обычно говорят о «Рынке». Это относится не только к профессиональным финансистам, но и к обычным гражданам. Кажется, существует популярное представление о рынке как о самостоятельной сущности, которая направляется своими собственными имманентными механизмами и повелениями. Тот факт, что многие новостные программы сделали финансовые новости своей постоянной рубрикой, указывает на автономный, самобытный статус рынка. Финансовые новости занимают в новостных программах схожее с прогнозом погоды место. Это не простое совпадение. При современном капитализме мы научились принимать «Рынок» как самостоятельную силу в нашей жизни. Как и в случае с погодой, мы в состоянии прогнозировать поведение рынка с некоей комбинацией точности и неопределённости. Человек способен исходить из прогноза, принимая предосторожности и пользуясь предоставляемыми возможностями. В случае с погодой это может означать покупку шорттов и планирование пикника. В случае с финансами — продажу облигаций и покупку акций. Тем не менее представить, что человек в силах повлиять на погоду или на «Рынок», — просто абсурдно.

Можно привести аргументы в пользу того, что рынка как такового не существует. Всё, что есть, — это отдельные люди, заключающие отдельные сделки. Если бы я хотел увидеть рынок, куда бы я пошёл? Даже если бы я физически отправился в существующий зал торгов, я увидел бы только людей, занятых торгами с другими людьми. Где же там «Рынок»? Однако подобный аргумент имеет мало смысла, поскольку он не учитывает того, как люди выстраивают отношения с рынком. Когда ведущий новостей сообщает, что «со вчерашнего дня индекс Доу—Джонса вырос на 3%», или когда мы смотрим на бегущие по экрану *Bloomberg* цены, мысль о том, что это результат отдельных сделок, представляется весьма абстрактной. Даже если мы знаем, что рынок в конечном счёте состоит из отдельных сделок, это знание подавляется для того, чтобы мы могли представить себе ценовые колебания как проявления рынка.

Мы можем взглянуть на этот образ «Рынка» с точки зрения фантазии. В приведённом выше отрывке Жижек описывает, как «символический порядок структурируется вокруг некоей травматической невозможности, вокруг чего-то такого, что не может быть символизировано». Мы видели, как рынок, пользуясь этой терминологией, структурирован вокруг стоимости и как стоимость невозможно оценить окончательно. Фантазия «Рынка» функционирует для того, чтобы «скрыть» невозможность согласования цены и стоимости. Она нужна, чтобы «заполнить прореху в Другом»¹⁰ через преобразование цен, полученных в результате случайных столкновений между отдельными заблуждающимися людьми, в выражения трансиндивидуальной рациональности.

У Жижека понятия «воображаемое», «фантазия» и «идеология» часто взаимосвязаны. Функцию «воображаемого», однако, не нужно путать с расхожим представлением об идеологии как о завесе, скрывающей

¹⁰ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — Примеч. ред. рус. издания

щей подлинное состояние реальности. Напротив, учитывая различие между реальным и реальностью, идеология является неотъемлемой частью устройства реальности. Ключевая формулировка Жижека такова: «Идеология не является выдуманной иллюзией, дающей нам возможность сбежать от невыносимой реальности, по своей сути она — фантазийная конструкция, служащая опорой для самой нашей “реальности”: “иллюзия”, структурирующая наши эффективные, реальные, общественные отношения и тем самым маскирующая невыносимую, реальную, непостижимую сущность <...> Функция идеологии состоит не в том, чтобы предложить нам способ ускользнуть от нашей реальности, а в том, чтобы представить саму социальную реальность как уход от некоей травматической, реальной сущности»¹¹.

Воображаемое может на самом деле скрывать лежащий в ее основе травматический раскол, но это сокрытие является неотъемлемой частью самого функционирования реальности. Воображаемое не является производным от онтологического порядка, нейтрализовав которое, мы добьемся состояния истины. Истина не располагается где-то позади или вне воображаемого порядка, а лежит как раз в переплетении воображаемого с реальным и символическим. Как мы увидим, существуют многочисленные конфигурации фантазии рынка. Все эти конфигурации предполагают определённую взаимосвязь между ценой и стоимостью, и каждая конфигурация структурирует и стимулирует определённую форму торгов. Фантазии не имеют формы логичного и последовательного аргумента. В особенности это касается спекулятивных рыночных фантазий. Они умудряются поддерживать веру в то, что цены отражают стоимость, в то же самое время признавая некоторые исключения из этого правила, которые позволяют спекулянту извлекать прибыль.

Иногда говорят, что философия Жижека заключает в себе негативную онтологию. Одна из аксиом его философии, касающаяся отношения между символическим (язык, смысл, закон и т. д.) и реальным, полагает взаимозависимость между возможностью и невозможностью символизации. Любой символический порядок создаётся вокруг «нехватки» символизации, точки, где символизация невозможна. Эта нехватка — не просто признак недостаточности символизации. Она является самым что ни на есть структурирующим принципом символического порядка. Жижек утверждает, что «область символического сама по себе уже всегда перечёркнута, покалечена, пориста, структурирована вокруг некоего экстимного¹² ядра, некоей невозможности» [Žižek 1991: 33]. Он даже развивает эту мысль, утверждая, что эта невозможность является неперемнным условием возможности символизации и образования социальной реальности: «Реальность сама по себе есть не что иное, как воплощение определённой закупорки в процессе символизации. Чтобы реальность могла существовать, что-то должно остаться невысказанным» [Žižek 1991: 45]. «“Реальность” существует лишь постольку, поскольку существует онтологический разрыв, трещина в самой её глубине — травматический избыток, инородное тело, которое не может быть в неё интегрировано» [Жижек 2014: 99].

Финансовые рынки — это сгустки деятельности, связанной с покупкой и продажей. С одной стороны, эта деятельность порождает символизации в виде цен. Бесконечные котировки, образующиеся на различных биржах, демонстрируют, что символизация стоимости, безусловно, возможна. С другой стороны, торги на различных финансовых рынках обусловлены как раз невозможностью символизирования стоимости. Если бы было возможно определить точную стоимость акций, исчезла бы большая часть причин для торговли ими. Если бы все будущие дивиденды и колебания цены были включены в текущие цены всех торгуемых акций и ценных бумаг, инвесторы могли бы просто оставаться при своём. Большая часть торговой деятельности просто бы прекратилась.

¹¹ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — *Примеч. ред. рус. издания.*

¹² Экстимный — один из ключевых неологизмов Жака Лакана, буквально означающий «интимно внешний». Он отсылает к идее о том, что наши самые интимные желания являются порождением Другого, то есть внешне обусловлены. — *Примеч. автора.*

Неопределённость стоимости акций, невозможность точной символизации — вот что движет торговлей на финансовых рынках. В этом смысле мы можем перефразировать Жижека, чтобы описать функционирование этих рынков: «Рынок существует лишь постольку, поскольку существует онтологический разрыв, трещина в самой его глубине — травматический избыток, инородное тело, которое не может быть в него интегрировано». Травматический избыток в глубине рынка — это реальное стоимости. Рыночные фантазии нужны для того, чтобы управляться с этим избытком.

Как делаются деньги на финансовых рынках

Как можно делать деньги на финансовых рынках? С одной стороны, это очень практический вопрос, который задают многие люди, торгующие акциями и другими финансовыми активами. С другой стороны, он может послужить удобной отправной точкой для начала аналитического исследования функционирования финансовых рынков.

В предыдущих параграфах мы увидели, как о финансовых рынках можно мыслить философски, с помощью жижековского разделения между реальным, символическим и воображаемым. Это даёт нам теоретическую структуру для анализа финансовых рынков. В этом параграфе мы будем использовать эту структуру для анализа различных стратегий инвестирования и спекулирования с точки зрения их конфигураций отношений реального, символического и воображаемого. Каждая из этих стратегий основывается на определённой форме анализа рынка. Таким образом, Жижек предоставляет нам теоретические координаты для различных форм анализа, уже существующих в финансовой области. Мы будем различать три разных подхода к финансовым торгам: стоимостное инвестирование, динамическое инвестирование (*dynamic investing*) и арбитраж [Beunza, Stark 2005: 87]. Стоимостное инвестирование основано на фундаментальном анализе, динамическое инвестирование — на техническом, а арбитраж — на так называемой гипотезе эффективного рынка (ГЭР) современных неоклассических финансов.

Задача предлагаемого анализа — не исследовать, приводят ли эти торговые стратегии к извлечению прибыли. Вместо этого мы попытаемся разобрать данные стратегии с точки зрения их предпосылок о соотношении цены и стоимости. Как мы уже увидели, это соотношение является выражением связи между символическим и реальным. Таким образом, философская демонстрация соотношения цены и стоимости показывает онтологию, присущую различным инвестиционным и спекулятивным стратегиям. Каждая из этих стратегий образует идеально-типическую конфигурацию отношения цены и стоимости, символического и реального. И каждый из подходов предполагает фантазийный образ рынка, помогающий управлять соотношением цены и стоимости.

Оставшаяся часть главы фокусируется исключительно на фундаментальном и техническом анализе. Хотя все три торговые стратегии применяются на финансовых рынках, я сказал бы, что арбитражная торговля и современная теория эффективного рынка пользуются особым статусом в нынешнем финансовом капитализме. Как мы увидим, эта теория возникла в период нескольких десятилетий (1950–1970-е гг.) и способствовала продвижению так называемой финансиализации мировой экономики, характеризующей наше сегодняшнее затруднительное положение. В связи с этим задача настоящей главы — не только философски объяснить фундаментальный и технический анализ, но и дать контекст для более детального анализа современной финансовой теории в главе 2.

Технический и фундаментальный анализ

Когда мы смотрим в реальном времени на график ценовых колебаний на финансовом рынке, например на котировки, отслеживающие торги определённых акций или изменение обменного курса евро

к доллару, может показаться заманчивым воспринять движение графика не только как отражающие прошлые события, но и как содержащие скрытый смысл, который можно разгадать, чтобы предсказать ход событий будущих. Именно такова стратегия трейдера, занимающегося динамической торговлей. На основе предыдущих трендов движения цен и объёмов торгов он стремится предсказать будущие движения цены акции или другой ценной бумаги. Затем он использует эти предсказания, чтобы решить, когда продавать и покупать различные позиции, и, таким образом, максимизировать прибыль или минимизировать издержки. Его задача — быть чутким к динамике рынка. Подход такого трейдера к рынку опирается на так называемый технический анализ рынка. Данная форма анализа иногда называется графизмом, поскольку основной составляющей технического анализа является изучение графиков, которые показывают предыдущие изменения цены.

Чарльз Доу, один из тех, кто стоял за появлением индекса Доу—Джонса, был пионером технического анализа. Доу также основал «The Wall Street Journal», где написал множество редакторских колонок, обрисовавших его идеи о спекулировании и фондовом рынке. Лишь впоследствии работы Доу были собраны в единую теорию, получившую его имя [Hamilton 1922; Rhea 1932]. Сутью теории Доу (*Dow's Theory*) является идентификация циклов движения цен на фондовом рынке: «Нет ничего более однозначного, чем тот факт, что рынок обладает тремя хорошо определёнными движениями, которые вписываются друг в друга. Первое — ежедневные изменения, связанные с локальными причинами и балансом покупок и продаж в определённое время. Второе движение покрывает период в 10–60 дней (вероятно, в среднем 30–40 дней). Третье — значительное колебание, покрывающее период в четыре — шесть лет» [(Ч. Доу цит. по: [Hamilton 1922: 23]).

Метафорически три движения описываются как «рябь», «волна» и «прилив (отлив)». Взаимодействие между этими циклами регулируется определёнными законами, которые позволяют внимательному спекулянту предсказывать движения рынка. Один из таких законов — это «закон действия и противодействия»: «Представляется фактом, что первичное движение на рынке будет обычно сопровождаться вторичным движением в противоположном направлении, составляющим по крайней мере три восьмых от первоначального. Если акции растут на десять пунктов, скорее всего они могут откатиться на четыре пункта или более. Этот закон, кажется, работает вне зависимости от того, как сильно акции подросли. Рост на 20 пунктов нередко приведёт к снижению на восемь пунктов и более» (Ч. Доу цит. по: [Hamilton 1922: 37]).

В том подходе к рынку, которого придерживаются «технари» (технические аналитики), существует некая двойная онтология. С одной стороны, \diamond они верят, что есть некоторая форма соответствия между фондовым рынком и состоянием бизнеса. Цены акции отражают накопившиеся знания и ожидания рынка о текущей и будущей стоимости соответствующих компаний (Ч. Доу цит. по: [Hamilton 1922: 41–42]). С другой стороны, технический анализ в своём чистом виде пренебрегает данными о фактическом состоянии компаний и полностью фокусируется на рыночных данных. Технический анализ не интересуется вопросом: сколько это *реально* стоит? В контексте технического анализа этот вопрос имеет мало смысла, поскольку понятия стоимости и цены полностью слились. Сам Доу говорит так: «Читая рынок <...> основная задача — обнаружить, сколько акция будет ожидаемо стоить через три месяца, и затем смотреть, будут ли манипуляторы или инвесторы подталкивать цену этой акции к этим значениям» (цит. по: [Hamilton 1922: 38]).

При помощи Жижека мы увидели, как символизация перечёркивает наш доступ к реальному. Когда нерасчленённое вещество сущего инкорпорируется в символическую систему знаков, закона и смысла, непосредственное восприятие сущего утрачивается. Технический анализ, похоже, имитирует это движение от реального к символическому, поскольку в его задачу не входит раскапывание реальной стоимости компании, которая соответствовала бы ее символическому отображению в виде цен на акции.

Объектом анализа не является отношение между реальной стоимостью и символической ценой. Вместо этого внимание сосредоточено исключительно на символическом порядке и присущих ему законам. Гамильтон обобщает онтологическую предпосылку теории Доу так: «Мы сказали, что законы, нами изучаемые, являются фундаментальными, аксиоматическими, самоочевидными» [Hamilton 1922: 20].

Альтернативным подходом к торгам на финансовых рынках является так называемый фундаментальный анализ. В рамках фундаментального анализа решения о покупке, продаже и удерживании акций или других ценных бумаг базируется на тщательном анализе текущего состояния и будущих перспектив соответствующих компаний или активов. Классическую формулировку основных принципов фундаментального анализа можно найти в работе Джона Бэрра Уильямса «Теория инвестиционной стоимости». Уильямс начинает книгу с ключевого различия между стоимостью и ценой: «Отдельные и отличные вещи, которые нельзя путать, — и это знает любой думающий инвестор — реальная ценность и рыночная цена. Ни один покупатель не считает все ценные бумаги одинаково привлекательными исходя из их текущих рыночных цен, вне зависимости от того, какие они; напротив, он ищет “лучшее предложение по данной цене”. Он перебирает все акции и облигации на рынке до тех пор, пока не найдёт самые дешёвые эмиссии <...> Что касается инвестиционной стоимости, некоторые люди сделают одну оценку, другие — другую, и из всех оценок только одна совпадает с фактической ценой, и только одна — с истинной ценностью» [Williams 1938: 3].

Здесь мы обнаруживаем понятие «истинная ценность». Задача текста Уильямса — продемонстрировать, как стоимость акций или других ценных бумаг в конечном счёте является текущей стоимостью всех будущих дивидендов, купонов и основной суммы¹³. В случае с акциями внутренняя стоимость складывается из будущей прибыльности соответствующей компании, когда это ведёт к выплате дивидендов держателю акций. Уильямс предлагает формулу для вычисления так называемой инвестиционной стоимости [Williams 1938: 56]. Конечно же, расчёт будущих дивидендов основывается на некотором наборе слегка размытых предположений и проекций. Уильямс прекрасно отдаёт себе в этом отчёт, и поэтому большая часть его книги состоит из описания инструментов, которые могут быть использованы для повышения точности подобных калькуляций. Качество и прибыльность инвестиционной стратегии сводится в общем-то к вычислению инвестиционной стоимости. Похожим на отделение стоимости от цены образом Уильямс делает различие между инвесторами и спекулянтами: «Инвестора мы определим как покупателя, заинтересованного в дивидендах или купонах и основной сумме, а спекулянта — как покупателя, которого интересует цена перепродажи» [Williams 1938: 4]. Мы видим, как хорошо определение спекулянта вписывается в подход технического аналитика. Хотя Уильямс не очень-то старается скрыть своё профессиональное и даже моральное презрение к спекулятивным торгам, тем не менее он осознаёт роль спекулянта в формировании цены на рынке: «И умные люди, и глупые будут участвовать в рыночных торгах, но ни одна группа сама по себе не будет устанавливать цену. Так же не будет иметь значения, что большинство, каким бы подавляющим оно ни было, может думать; ибо последний владелец, и только он, установит цену. Таким образом, последнее мнение будет определять рыночную цену» [Williams 1938: 12].

Это означает, что даже при том, что стоимость акций и других ценных бумаг определяется их внутренней инвестиционной стоимостью, цены, по которым они будут торговаться на рынке, необязательно соответствуют этой стоимости. «Рынок может быть только выражением точки зрения, а не утверждением факта» [Williams 1938: 12]. Поскольку некоторые точки зрения на рынке основываются на неквалифицированной спекуляции или даже преднамеренном пренебрежении фактическим состоянием

¹³ Купон — отрывная часть ценной бумаги. Здесь имеется в виду, что ценная бумага предполагает промежуточные (купонные) выплаты, не уменьшающие номинальную стоимость ценной бумаги. Основная сумма (*principal sum*, или *principal*) — сумма, на которую начисляются проценты. — *Примеч. перев.*

бизнеса, неминуемо возникают расхождения между внутренней стоимостью и рыночной ценой. Внимательному инвестору это даёт выгодные возможности для торгов.

Фундаментальный анализ вращается как раз вокруг того вопроса, который выносится за скобки при техническом анализе: «Какова *инвестиционная стоимость* данной ценной бумаги?» [Williams 1938: 5]. Стоит инвестору приобрести акции по цене ниже фактической инвестиционной стоимости, и он может больше не беспокоиться о будущих спекулятивных прихотях рынка. Даже если рыночная цена акций упадёт, он может придержать акции в расчёте на их стоимость и, когда компания будет выплачивать дивиденды, постепенно обналечить средства по ставке, превышающей среднюю возвратность на его инвестицию.

Фантазия о победе над рынком

Существует очевидный контраст между предполагаемыми онтологиями «технаря» и «фундаменталиста». В то время как «технарь» принимает реальное как недоступное, то есть предсказывает будущую цену акции без оглядки на их реальную стоимость, «фундаменталист» стремится приблизиться к реальной стоимости как можно плотнее, обращая внимание на фактическое состояние бизнеса соответствующей компании. Здесь мы видим, как намечаются контуры классического философского противоречия.

Подход «технаря» к отношению цены и стоимости является формой идеализма. Также мы можем говорить о форме трансцендентализма или структурализма в зависимости от того, как мы концептуально формулируем позицию. «Технарь» сводит вопрос о стоимости к вопросу о цене таким же образом, как и философия идеализма сводит вопрос о бытии к вопросу о представлении или о знании. С идеалистической точки зрения невозможно говорить о бытии объектов отдельно от нашего представления об этих объектах. В связи с этим задачей философии является анализ закономерностей в условиях возможности представления и знания. В зависимости от конкретного ответвления идеализма эти закономерности могут принимать форму трансцендентальных структур субъективности (Кант, Гуссерль) или общих языковых структур (Соссюр, Леви-Стросс). Идеалистический анализ условий возможности представлений и знания сопоставим с техническим анализом «фундаментальных, аксиоматических, самоочевидных» [Hamilton 1922: 20] законов формирования и движения цен на фондовом рынке.

В противоположность идеализму разделение стоимости и цены, лежащее в основе фундаментального анализа, предполагает реалистический подход к знанию. В философии реалистическая позиция может представлять в форме эмпиризма, материализма и позитивизма. «Фундаменталист» верит, что с помощью тщательного анализа фактических обстоятельств ведения бизнеса можно определить «настоящую стоимость инвестиций», не зависящую от их цены на фондовом рынке. Здесь мы наблюдаем отделение вопроса бытия от вопроса о представлении и знании, что характерно для реалистической философии. Цель реалистической философии заключается в прокладывании пути к объективному, научному исследованию фактической реальности и в предоставлении основы для знания, подкреплённого эмпирическими наблюдениями, а не метафизическими спекуляциями. Скептицизм по отношению к спекулятивному знанию объединяет различные школы реалистической философии, от эмпиризма Локка и Юма, через материалистический анализ истинной стоимости товара у Маркса, и до позитивизма раннего Витгенштейна и Поппера. Как мы уже видели, схожий скептицизм к спекуляции, граничащий с откровенным осуждением, характеризует анализ, представленный Уильямсом.

Очевидное философское столкновение между идеализмом технического анализа и реализмом фундаментального анализа не должно, однако, помешать нам увидеть, что два подхода к финансовым рынкам сходятся по одному очень важному пункту. Несмотря на то что они могут не соглашаться относительно

подходящего метода, оба верят, что возможно обеспечить возвратность выше среднего на инвестиции в финансовые рынки. Чтобы показать философское происхождение этой согласованности, мы вернёмся к двум жижековским определениям реального.

Первое определение реального описывает его как позитивное существование за пределами сферы символизации. Реальное — это «то, что сопротивляется символизации» [Жижек 1999: 74] и «это помеха, о которую спотыкается любая попытка символизации»¹⁴. Схожее понятие реального таится в фундаментальном анализе Уильямса. Поскольку инвестиционная стоимость состоит из будущих дивидендов, в отношении между символическим и реальным существует хронологическое смещение. Если цена всегда озвучивается в настоящий момент времени, то внутренняя стоимость проявляет себя только в будущем. Самому Уильямсу представляется, что разрыв между символической ценой и реальной стоимостью инвестиции постепенно сокращается: «Что касается истинной ценности акции, каждый человек будет придерживаться своего собственного мнения; и только время покажет, какая цена на самом деле правильная. Однако время не даст всех ответов сразу, только медленно, слово за словом, по мере того, как будут проходить годы; и последнее слово не будет произнесено до тех пор, пока корпорация не свернёт свою деятельность раз и навсегда» [Williams 1938: 11].

В данном случае Уильямс, кажется, совершает хронологическую ошибку. Действительно, «по мере того, как будут проходить годы» и выплачиваться дивиденды, мы получим ответ на вопрос о «правильной» цене. Но этот ответ относится только к исторической цене, то есть к тому, какой *была* правильная цена на момент инвестиции. Данная информация полезна примерно так же, как и знание о том, что выпадет на рулетке после того, как ставка уже сделана. Мало того что рыночная ситуация изменилась и сформировала новую текущую цену, внутренняя стоимость инвестиции теперь также рассчитывается на основании новых будущих дивидендов. И хотя инвестиции в акции оказались прибыльными, обеспечив дивиденды выше того, что ожидалось на момент покупки, истекшее время могло создать новую ситуацию с внешне завышенными ценами и, вероятно, мрачными перспективами будущей прибыльности компании, таким образом вынуждая инвестора принять новое решение — продать, а не придержать. Используя философские термины, можно сказать, что существует безусловный разрыв между символическим и реальным. Реальная стоимость «сопротивляется символизации», как и будущее сопротивляется подчинению настоящему.

Второе определение Жижека описывает реальное как негативное существование, нехватку, пустоту, невозможность или апорию, заложенные в символическом порядке. В своём чистом виде технический анализ воздерживается от любых оценок внутренней стоимости акции или других инвестиций. В этом смысле стоимость как позитивное реальное существование отсутствует в техническом анализе. Уильямс характеризует спекулянтов таким образом: «Некоторые трейдеры полагают, что позволить себе прийти хоть к каким-то выводам об истинной ценности акций, которыми они спекулируют, — значит создать себе реальную помеху» [Williams 1938: 33–34]. Вместо этого стоимость акции или другой инвестиции состоит из разницы между текущей ценой и ценой на некий момент в будущем, когда акции проданы. Здесь мы видим, как стоимость в техническом анализе фигурирует в качестве отношения между двумя точками в символическом порядке рынка. Иными словами, стоимость — это разница между двумя ценами.

Идеи Жижека сходны с принципами технического анализа, который предполагает, что движения в символическом порядке рынка управляются символическими законами. «Технар» утверждает, что может извлечь прибыль из своего знания этих законов через предсказание движений рынка. Однако научная состоятельность технического анализа — и, соответственно, его притязания на прибыльность — очень

¹⁴ Перев. К. Стоборода; см. также: [Жижек 1999]. — Примеч. ред. рус. издания.

спорна [Cowles 1933]. Высказывались мнения, что технический анализ — не более чем догадки; его даже называли финансовой астрологией [Mandelbrot, Hudson 2004: 9]. Но даже если предположить, что законы технического анализа точны, работа этих рыночных законов зависит от любопытного парадокса. Рынок повинуется им только до тех пор, пока он не полностью осознаёт их и верит в них.

Этот парадокс технического анализа уже был обозначен Сидни С. Александром, который верил, что он доказал прибыльность так называемой техники фильтра, используя статистический анализ. Он заканчивает публикацию, комментируя своё открытие так: «Я оставлю другим гадания относительно вопроса о том, что стало бы с эффективностью техники фильтра, если бы все в неё поверили и действовали соответственно» [Alexander 1961: 26].

Представьте: теория Доу предсказывает, что курс определённой акции на рынке медведей¹⁵ будет продолжать падать до тех пор, пока не достигнет определённого предела, после которого станет расти. Если бы все на рынке знали о таком предсказании и действовали соответственно, никто бы не захотел акции прежде, чем этот предел был бы достигнут, и никто бы не захотел продавать акции после того, как он был бы пройден. Вместо постепенного падения и роста цены, которые бы позволили спекулянтам извлекать выгоду из предсказания за счёт продажи падающих акций и покупки растущих, рыночная цена мгновенно переместилась бы в точку предсказанной конечной цены, стоило ей стать известной рынку. Если бы все на рынке знали, что в течение некоторого периода времени цена указанной акции вырастет на 5%, каждый потенциальный продавец моментально запросил бы эту цену, что фактически лишило бы покупателей возможности получить прибыль.

Используя философские термины, можно сказать, что этот парадокс является случаем реального, возникающего из апории в символическом порядке. Чтобы рынок мог двигаться в соответствии с предсказаниями технического анализа, он не должен подозревать об этих прогнозах. Предсказание неявным образом исключает само себя из рынка и из анализа. В этом смысле оно само становится «тем, что сопротивляется символизации». Обладать знаниями о законах фондового рынка можно только до тех пор, пока сам рынок движем верой, а не знанием. Посему технический анализ, похоже, вписывается в то лакановское определение бессознательного, которое использует Жижек, а именно «знание, которое себя не знает» [Žižek 2006: 52].

Мы увидели, как общая теория символизации Жижека зиждется на аксиоме о том, что любой форме символизации присуще несоответствие между символическим и реальным. Применение этой негативной онтологии к финансовым рынкам было обобщено так: «Рынок существует лишь постольку, поскольку существует онтологический разрыв, трещина в самой его глубине — травматический избыток, инородное тело, которое не может быть в него интегрировано». На первый взгляд кажется, что и фундаментальный анализ, и технический анализ соглашаются с этой идеей о несоответствии между реальным и символическим. Хотя два этих типа анализа отличаются своим подходом к инвестициям и спекуляциям, их роднит фундаментальный постулат о несоответствии цены и стоимости. Фундаментальный анализ берет за отправную точку тот факт, что цены на фондовом рынке необязательно отражают реальную внутреннюю инвестиционную стоимость соответствующего бизнеса. Технический анализ, в свою очередь, отталкивается от того факта, что текущие цены на фондовом рынке необязательно отражают обозримые изменения будущих цен.

Однако важно отметить, что у Жижека несоответствие между символическим и реальным является *онтологическим*. В фундаментальном и техническом анализе несоответствие между ценой и стоимостью, напротив, рассматривается как *эпистемологическое*. Оба подхода верят, что несоответствие

¹⁵ Рынок, на котором наблюдается тенденция к снижению курсов акций. — *Примеч. перев.*

можно устранить с помощью знания. Хотя фундаментальный и технический анализ расходятся в том, какое знание они считают для этого полезным, в обоих содержится фантазия о заполнении прорехи. Это заполнение осуществляется не всем рынком, а отдельным инвестором/спекулянтом.

Уильямс пишет: «Что касается инвестиционной стоимости, некоторые люди сделают одну оценку, другие — иную, и из всех оценок только одна совпадёт с фактической ценой, и только одна с истинной ценностью». Далее он заявляет, что цель его теории — «объяснить цену как она есть и показать, какая цена будет правильной» [Williams 1938: 3]. Здесь мы имеем дело с фантазией о «сведущем инвесторе», который может определить «правильную цену» и найти точку, где цена и стоимость «совпадают».

В том же ключе пишет Гамильтон: «Если верно, как мы увидели, что никто не может знать всех фактов, которые в каждый определённый момент времени влияют на движения фондового рынка, то верно и то, как любой из нас знает по личному опыту, что у одних намного больше знаний, чем у других <...> Обычно был, и, я надеюсь, всегда будет, подходящий человек, чтобы принять подходящую объективную точку зрения в правильный момент» [Hamilton 1922: 17, 19].

И подход технического анализа, и подход фундаментального обещают индивидуальному трейдеру возможность найти выгодные возможности для торгов на рынке. Такое обещание можно воспринимать как фантазию о победе над рынком. Эта фантазия определённым образом структурирует желание трейдера. Рынок выстроен вокруг онтологического разрыва, который проявляется в невозможности определения «правильной цены». В этом разрыве мы находим реальное стоимости как избыток, постоянно ускользающий от полной символизации. Желание трейдера нацелено на присвоение, укрощение этого избытка, этой неуловимой частицы реального.

Литература

- Вулф Т. 2009. *Костры амбиций*. Перев. с англ. И. Берштейн, В. Бошняка. СПб.: Амфора.
- Жижек С. 1999. *Возвышенный объект идеологии*. Перев. с англ. В. Софронова. М.: Художественный журнал.
- Жижек С. 2003. *Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие*. Перев. с англ. В. Мазина. М.: Художественный журнал.
- Жижек С. 2008. *Устройство разрыва. Параллаксное видение*. Перев. с англ. М.: Европа.
- Жижек С. 2012. *Чума фантазий*. Перев. с англ. Е. Смирновой. Харьков: Гуманитарный центр.
- Жижек С. 2014. *Щекотливый субъект. Отсутствующий центр политической онтологии*. Пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС.
- Лисон Н. 2011. *Как я обанкротил «Бэрингз». Признания трейдера-мошенника*. Перев. с англ. А. Портянкиной, А. Шиловой. М.: Кейс.
- Мишкин Ф. 2006. *Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков*. 7-е изд. Перев. с англ. О. К. Островской, А. Л. Рыбьянец. М.: Вильямс.
- Хайдеггер М. 1997. *Введение в метафизику*. Перев. с нем. Н. О. Гучинской. СПб.: Высшая религиозно-философская школа.

- Хайдеггер М. 1999. *Положение об основании*. Перев. с нем. О. А. Коваль. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетейя.
- Alexander S. S. 1961. Price Movements in Speculative Markets: Trends or Random Walks'. *Industrial Management Review*. 2 (2): 7–26.
- Alexander S. S. 1964. Price Movements in Speculative Markets: Trends or Random Walks'. *Industrial Management Review*. 5 (2): 25–46.
- Beunza D., Stark D. 2005. How to Recognize Opportunities: Heterarchical Search in a Trading Room. In: Knorr-Cetina K., Preda A. (eds) *The Sociology of Financial Markets*. Oxford: Oxford University Press; 84–101.
- Bjerg O. 2008. Drug Addiction and Capitalism: Too Close to the Body. *Body & Society* 14 (2): 1–22.
- Cowles A. 1933. Can Stock Market Forecasters Forecast? *Econometrica: Journal of the Econometric Society*. 1 (3): 309–324.
- Davis J. B. 2006. The Nature of Heterodox Economics. *Post-Autistic Economics Review*. 40: 23–30.
- Hamilton W. P. 1922. *The Stock Market Barometer: A Study of its Forecast Value Based on Charles H. Dows Theory of the Price Movement*. New York: Harper & Brothers Publishers.
- Hassoun J.-P. 2005. Emotions on the Trading Floor: Social and Symbolic Expressions. In: Knorr-Cetina K., Preda A. (eds) *The Sociology of Financial Markets*. Oxford: Oxford University Press; 102–120.
- Knorr-Cetina K., Preda A. 2005. *The Sociology of Financial Markets*. Oxford: Oxford University Press.
- Lawson T. 2009. The Current Economic Crisis: Its Nature and the Course of Academic Economics. *Cambridge Journal of Economics*. 33 (4): 759–777.
- Mandelbrot B., Hudson R. 2004. *The (Mis)Behaviour of Markets*. New York: Basic Books.
- Rhea R. 1932. *The Dow theory: An explanation of Its Development and an Attempt to Define its Usefulness as an Aid in Speculation*. Flint Hill: Fraser.
- Williams J. B. 1938. *The Theory of Investment Value*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Zaloom C. 2006. *Out of the Pits: Traders and Technology from Chicago to London*. Chicago: University of Chicago Press.
- Žižek S. 1991. *Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Žižek S. 2000. *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*. London: Verso.
- Žižek S. 2006. *How to Read Lacan*. London: W. W. Norton & Company.
- Žižek S. 2009. *First as Tragedy, Then as Farce*. London: Verso.

NEW TRANSLATIONS

Ole Bjerg

Making Money

The Philosophy of Crisis Capitalism

Bjerg O. (2014) *Making Money: The Philosophy of Crisis Capitalism*, London; Brooklyn, NY: Verso.

BJERG, Ole — Associate Professor, Department of Management, Politics and Philosophy, Copenhagen Business School. Address: 3, Solbjerg Plads, DK-2000 Frederiksberg, Denmark.

Email: ob.mpp@cbs.dk

Abstract

In his book, Ole Bjerg presents a philosophy of money in modern capitalism. Issues related to financial relationships are considered with help of the ideas of Slavoy Žižek, Martin Heidegger, and Jacques Marie Émile Lacan. The author considers the existing theories of money, deliberates current economic theories, and reconstructs a process of how banks make money in order to demonstrate the main principles of the functioning of the financial system in contemporary society. He highlights that the question of the nature of money and the question of making money are both political. This book will be interesting not only for economists but also for a wider group of readers.

We here publish his “Introduction: Seinsvergessenheit and Money” and the first chapter, “Analyzing Financial Markets.” In the introduction, the author addresses Heidegger’s idea to put the issue of money at the forefront of philosophical research, thus establishing the book’s main idea. Here, he also describes the book’s structure, which is concentrated on the phrase “how to make money.” In the first chapter, Bjerg, with the help of basic ideas of Žižek’s philosophy, creates a view of financial markets and further depicts two schools of speculation on financial markets, technical and fundamental analyses, pointing to their philosophical features.

Keywords: philosophy of money; modern capitalism; financial markets; Slavoy Žižek; Martin Heidegger; Jacques Marie Émile Lacan.

References

- Alexander S. S. (1961) Price Movements in Speculative Markets: Trends or Random Walks. *Industrial Management Review*, vol. 2, no 2, pp. 7–26.
- Alexander S. S. (1964) Price Movements in Speculative Markets: Trends or Random Walks. *Industrial Management Review*, vol. 5, no 2, pp. 25–46.
- Beunza D., Stark D. (2005) How to Recognize Opportunities: Heterarchical Search in a Trading Room. *The Sociology of Financial Markets* (eds. K. Knorr-Cetina, A. Preda), Oxford: Oxford University Press, pp. 84–101.
- Bjerg O. (2008) Drug Addiction and Capitalism: Too Close to the Body. *Body & Society*, vol. 14, no 2, pp. 1–22.
- Cowles A. (1933) Can Stock Market Forecasters Forecast? *Econometrica: Journal of the Econometric Society*, vol. 1, no 3, pp. 309–324.

- Davis J. B. (2006) The Nature of Heterodox Economics. *Post-Autistic Economics Review*, no 40, pp. 23–30.
- Hamilton W. P. (1922) *The Stock Market Barometer: A Study of its Forecast Value Based on Charles H. Dows Theory of the Price Movement*, New York: Harper & Brothers Publishers.
- Hassoun J.-P. (2005) Emotions on the Trading Floor: Social and Symbolic Expressions. *The Sociology of Financial* (eds. K. Knorr-Cetina, A. Preda), Oxford: Oxford University Press, pp. 102–120.
- Heidegger M. (1997) *Vvedenie v metafiziku* [Introduction to Metaphysics] (Rus. transl. by N. O. Guchinskaya), St. Petersburg: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola (in Russian).
- Heidegger M. (1999) *Polozhenie obosnovanii* [The Principle of Sufficient Reason] (Rus. transl. by O. A. Koval'), St. Petersburg: Lab. metafiz. issled. prifilos. fak. SPbGU; Aleteyya (in Russian).
- Knorr-Cetina K., Preda A. (2005) *The Sociology of Financial Markets*, Oxford: Oxford University Press.
- Lawson T. (2009) The Current Economic Crisis: Its Nature and the Course of Academic Economics. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 33, no 4, pp. 759–777.
- Leeson N. (2011) *Kak ya obankrotil «Beringz»*. *Priznaniya treydera-moshennika* [Rogue Trader: How I Brought Down Barings Bank and Shook the Financial World] (Rus. trans. by A. Portyankina, A. Shilova), Moscow: Keys (in Russian).
- Mandelbrot B., Hudson R. (2004) *The (Mis)Behaviour of Markets*, New York: Basic Books.
- Mishkin F. (2006) *Ekonomicheskaya teoriya deneg, bankovskogo dela i finansovykh rynkov* [The Economics of Money, Banking and Financial Markets], 7th ed. (Rus. transl. by O. K. Ostrovskaya, A. L. Rybyanets), Moscow: Williams Publishing House (in Russian).
- Rhea R. (1932) *The Dow Theory: An Explanation of its Development and an Attempt to Define its Usefulness as an Aid in Speculation*, Flint Hill: Fraser.
- Williams J. B. (1938) *The Theory of Investment Value*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wolfe T. (2009) *Kostry ambitsiy* (The Bonfire of the Vanities) (Rus. transl. by I. Bershteyn, V. Boshnyak), St. Petersburg: Amfora (in Russian).
- Zaloom C. (2006) *Out of the Pits: Traders and Technology from Chicago to London*, Chicago: University of Chicago Press.
- Žižek S. (1991) *Looking Awry: An Introduction to Jacques Lacan through Popular Culture*, Cambridge, MA: The MIT Press.
- Žižek S. (1999) *Vozvyshennyi ob'ekt ideologii* [The Sublime Object of Ideology] (Rus. transl. by V. Sofronov), Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal (in Russian).
- Žižek S. (2000) *Contingency, Hegemony, Universality: Contemporary Dialogues on the Left*, London: Verso.

Žižek S. (2003) *Khrupkiy absolyut, ili Pochemu stoit borot'sya za khristianskoe nasledie* [The Fragile Absolute: Or, Why Is the Christian Legacy Worth Fighting For?] (Rus. transl. by V. Mazin), Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal (in Russian).

Žižek S. (2006) *How to Read Lacan*, London: W. W. Norton & Company.

Žižek S. (2008) *Ustroystvo razryva. Parallaksnoe videnie* [The Parallax View], Moscow: Europe Publisher (in Russian).

Žižek S. (2009) *First as Tragedy, Then as Farce*, London: Verso.

Žižek S. (2012) *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies] (Rus. transl. by E. Smirnova), Khar'kov: Gumanitarnyy Tsentr (in Russian).

Žižek S. (2014) *Shchekotlivyy subekt. Otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii* [The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology] (Rus. transl. by S. Shchukina), Moscow: RANEPА Publishing House "Delo" (in Russian).

Received: July 2, 2018

Citation: Bjerg O. (2018) Kak delayutsya den'gi? Filosofiya postkreditnogo kapitalizma [Making Money: The Philosophy of Crisis Capitalism (excerpts)], *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 4, pp. 43–72. doi: 10.17323/1726-3247-2018-4-43-72 (in Russian).